

Терроризм и международное гуманитарное право

*Смирнова А. Н.**

Терроризм является настоящим бичом современности и представляет собой большую угрозу для государств и всего мирового сообщества. Почти каждую неделю в различных уголках земного шара совершаются террористические акты, жертвой которых являются ни в чем не повинные люди, случайно оказавшиеся на месте трагедии.

В указанной статье рассматривается проблема террористической деятельности во время вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. Подобные проявления терроризма подпадают под регулирование норм международного гуманитарного права (МГП).

Ключевые слова: международное гуманитарное право (МГП); терроризм; террористический акт; вооруженный конфликт; запрещенные методы ведения войны.

Одной из важнейших глобальных проблем современного мира, несомненно, является проблема предотвращения войн и вооруженных конфликтов. Яркими примерами тому являются боевые действия в Афганистане, Ираке, Северной Африке и на Ближнем Востоке и до недавнего времени на Украине. Именно поэтому с каждым годом усилия международного сообщества в поисках наиболее оптимальных путей решения проблемных вопросов возрастают¹.

Правовыми средствами борьбы с терроризмом на международном и национальном уровнях являются внутреннее законодательство

государств, а также нормы международного права, которые закрепляют преступность такого рода деяний и меры борьбы с ними².

По мнению В. С. Верещетина и Л. А. Моджорян, международный терроризм делится на два вида: терроризм, организуемый и осуществляемый одним государством против другого государства, и внутренний терроризм, организуемый и осуществляемый на территории определенного государства его собственными гражданами³.

В современных условиях также можно говорить о терроризме в мирное время и терроризме в процессе вооруженных конфликтов⁴.

Проблема борьбы с терроризмом в период вооруженных конфликтов между государствами (сторонами), к сожалению, становится все более актуальной.

Вооруженные конфликты как международного, так и немеждународного характера регулируются нормами международного гуманитарного права. Так, Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. о защите жертв войны и Дополнительные протоколы I, II к ним 1977 г.⁵ (ДП-I, ДП-II) содержат нормы о запрещении террористических актов против гражданского населения в условиях вооруженного конфликта.

В международном гуманитарном праве, как впрочем и в общем международном праве, определение понятия «терроризм» не закреплено. Однако, несмотря на это, в период вооруженного конфликта МГП однозначно запрещает большинство направленных против населения и гражданских объектов действий, которые, будь они совершены вне такого конфликта, квалифицировались бы как акты терроризма⁶.

Международное гуманитарное право исходит из позиции, что в условиях вооруженных конфликтов многое из того, что вкладывается в понятие «террористический акт», совпадает или пересекается с военными преступлениями или преступлениями против человечности. Именно поэтому упоминания о терроризме в различных документах, составляющих основу МГП, эпизодичны⁷.

Применение силы на поражение против лиц и объектов противоречит международному гуманитарному праву, только если такие действия выходят за границы, установленные международными нормами. МГП проводит различие между законным насилием во время войны и террористическими актами и подходит к решению данной проблемы двояко.

С одной стороны, право применения силы и совершения актов насилия есть только у вооруженных сил сторон вооруженного конфликта. Только лица из их состава имеют возможность применять силу против вооруженных сил противной стороны, при этом МГП определяет, что

* Смирнова Алена Николаевна — адъюнкт кафедры прав человека и международного права, Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя. alenasmirnova_92@mail.ru.

право выбора методов и средств ведения войны воюющими не является неограниченным.

С другой стороны, другие категории лиц (в том числе и гражданское население), а также гражданские объекты (к примеру, гражданская инфраструктура) не могут являться законными целями вооруженных нападений — они находятся под защитой международного гуманитарного права. Объектами нападения могут быть только военные объекты⁸.

В период вооруженных конфликтов, помимо норм МГП, действуют и международные нормы о защите прав человека⁹, за исключением лишь некоторых допустимых ограничений, регулируемых жесткими требованиями международных правозащитных договоров. Различие между этими двумя отраслями международного права, по сути, заключается в том, что в отличие от норм о правах человека, защищающих людей в мирное и военное время, международное гуманитарное право применяется лишь в условиях вооруженных конфликтов и направлено на защиту жертв войны (раненых, больных, лиц, потерпевших кораблекрушение, военнопленных, гражданского населения неприятельской стороны).

Нормы МГП конкретно запрещают «террористические акты» в отношении определенных категорий лиц. Так, ст. 33 Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. (Конвенция IV) гласит: «Коллективные наказания, так же как и всякие меры запугивания или террора, запрещены»¹⁰. ДП-II запрещает «акты терроризма», направленные против лиц, не принимающих непосредственного участия или прекративших принимать такое участие в военных действиях (ст. 4)¹¹.

Однако следует подчеркнуть, что признаками террористических действий обладают не любые нападения на гражданское население или гражданские объекты, а именно те акты насилия или угрозы его применения, которые имеют своей целью запугать или утратить гражданское население. А это значит, что воздушные бомбардировки военных объектов, применение ракетных систем в отношении войск противника также могут вызвать страх у гражданского населения, но такие действия не могут быть квалифицированы в качестве террористических актов.

Международным Комитетом Красного Креста также отмечается, что даже законные нападения на военные объекты могут сеять страх среди гражданского населения, однако положения, регулирующие порядок ведения боевых действий, направлены на объявление вне закона нападений, имеющих конкретную цель терроризировать гражданское население (применение артиллерии против гражданского населения в городах или снайперская стрельба по гражданским лицам)¹².

Под запугиванием и устрашением гражданского населения противника понимается как психологическое влияние (проведение систематических имитаций воздушных атак на населенные пункты, угроза уничтожения объектов необходимых для выживания гражданского населения и так далее), так и физическое воздействие (к примеру, применение физической силы по отношению к гражданским лицам противника с целью получения необходимой информации).

Указанный в ст. 33 Конвенции IV запрет ставит целью подчеркнуть тот факт, что отдельные гражданские лица и гражданское население в целом не могут подвергаться коллективным наказаниям, которые вне всяких сомнений относятся к числу факторов, создающих обстановку террора.

Дополнительные протоколы I, II к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. также запрещают действия, направленные на терроризирование гражданского населения. Статья 51 ДП- I, озаглавленная «Защита гражданского населения», закрепляет основные нормы, которые должны соблюдаться во время военных действий. Статья 52 этого же документа закрепляет норму о том, что «гражданские объекты не должны являться объектом нападения или репрессалий».

«Гражданское население как таковое, а также отдельные гражданские лица не должны являться объектом нападения. Запрещаются акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население» (ДП-I ст. 51 п. 2 и ДП-II ст. 13 п. 2). Эти положения представляют собой ключевой элемент норм МГП, определяющих противоправность терроризма в период ведения боевых действий. Ими запрещаются акты насилия во время вооруженного конфликта, которые не обеспечивают реального военного преимущества¹³.

В качестве примера можно привести недавнюю ситуацию на Украине, где гражданское население терроризировалось путем применения, особенно в ночное время, таких боевых средств, как: бомбардировочная авиация, танки, тяжелая артиллерия (пушки, гаубицы), система залпового огня «Град», последствиями чего были огромные жертвы, большие пожары и разрушения объектов для выживания людей, что сеяло панику, ужас и страх среди мирного населения (ст. 4 d; ст. 13 п. 2 ДП-II 1977 г.)¹⁴.

Примечательно, что, по мнению Р. Бакстера, определяющими являются первичные намерения или мотивы нападения, а не его последствия. Поэтому нападение, основной целью которого является террор населения, будет незаконным даже в случае, если запугать никого не получится¹⁵.

Кроме того, к террору нельзя отнести последствия нападения на военный объект, хотя и наводящие ужас на гражданское население,

но являющиеся побочными. В то же время под запрещения попадает, к примеру, угроза полного уничтожения населения.

Говоря об ответственности за террористические акции, Р. Адельханян отмечает, что деяние, подпадающее под признаки террористического акта по международному уголовному праву, должно быть совершено в мирное время, вне рамок вооруженных действий. Иначе такое деяние должно быть расценено как военное преступление в соответствии с Женевскими конвенциями 1949 г. и ДП I и II к ним 1977 г.¹⁶

Аналогичной точки зрения придерживается Х.—П. Гассер, отмечая, что террористические акты, в результате которых погибает или получает серьезные увечья гражданское население, представляют собой грубые нарушения Женевской конвенции IV, т. е., по сути, являются военными преступлениями.

С. А. Грицаев также утверждает, что террористические акты, совершаемые во время вооруженного конфликта, будут, по всей вероятности, рассматриваться как военные преступления¹⁷.

Как уже отмечалось ранее, террористические действия, совершаемые во время вооруженных конфликтов немеждународного характера, противоречат нормам МГП. К таковым относят:

- 1) взятие заложников (ст. 4 п. 2 «с» ДП- II);
- 2) акты терроризма в отношении лиц, не принимающих непосредственного участия или прекративших участие в военных действиях (ст. 4 п. «d»);
- 3) угрозы совершить вышеуказанные действия (ст. 4 п. 2 «h»);
- 4) акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население (ст. 13 п. 2 ДП-II).

Одной из особенностей террористических проявлений в период вооруженных конфликтов немеждународного характера является отсутствие в ДП-II перечня серьезных нарушений норм МГП.

Квалификация нарушений норм международного гуманитарного права, включая различные формы проявления терроризма в процессе немеждународных вооруженных конфликтов, отдана на усмотрение самих государств¹⁸.

Так, международной практикой подтверждается, что различные по форме проявления террористических действий в ходе вооруженных конфликтов как немеждународного, так и международного характера квалифицируются внутренним уголовным законодательством государств как военные преступления¹⁹.

В связи с этим, по мнению И. И. Котлярова, в силу большой общественной опасности преступлений терроризма в отношении

покровительствуемых лиц или угрозы совершения таких действий в период вооруженных конфликтов было бы целесообразным включить акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население, в перечень военных преступлений, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда 1998 г.²⁰

Подводя итог вышесказанному, необходимо обозначить принципиальное различие между нормами МГП и иными правовыми положениями, квалифицирующими любые проявления терроризма: международное гуманитарное право исходит из того, что определенные акты насилия (против военных объектов и военного персонала) не запрещены, в то время как любой теракт против гражданского населения в период вооруженного конфликта запрещен по определению.

Таким образом, можно сделать вывод, что в содержание понятия «терроризм» в период международных вооруженных конфликтов и вооруженных конфликтов немеждународного характера относятся:

- 1) «всякие меры запугивания или террора» в отношении покровительствуемых лиц (ст. 33 Женевской конвенции IV);
- 2) «акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население» (ст. 51 п. 2 ДП- I).
- 3) взятие заложников (ст. 4 п. 2 «с» ДП- II);
- 4) акты терроризма в отношении лиц, не принимающих непосредственного участия или прекративших участие в военных действиях (ст. 4 п. «d»);
- 5) угрозы совершить вышеуказанные действия (ст. 4 п. 2 «h»);
- 6) акты насилия или угрозы насилием, имеющие основной целью терроризировать гражданское население (ст. 13 п. 2 ДП-II).

Также следует иметь в виду, что МГП не применимо к ситуациям, когда совершаются террористические акты или задерживаются лица, подозреваемые в террористической деятельности, вне рамок вооруженного конфликта²¹.

Terrorism and the International Humanitarian Law (Summary)

Alyona N. Smirnova *

Terrorism is a real scourge of nowadays and is a great threat to states and the world community. Almost every week terrorist acts are committed in a corner of the globe, striking innocent people who accidentally turned up in the place of the tragedy. In this article the problem of terrorism in international and non-international armed conflicts is considered. Such acts of terrorism are regulated by international humanitarian law (IHL).

Keywords: international humanitarian law (IHL); terrorism; an act of terrorism; armed conflict; prohibited methods of warfare.

¹ Вооруженный конфликт на Украине и международное право [Текст] / И. И. Котляров, Ю. В. Пузырева // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — N10. — С. 265–271.

² Хлестов О. Н., Мышляева М. Л., Вооруженная борьба против международного терроризма (политико-правовые аспекты) // МЖМП. — 2001. — № 4. — С. 14–15.

³ Верещетин В. С. Терроризм: психологические корни и правовые оценки. Круглый стол журнала «Государство и право» // Государство и право. — 1995. — № 4. — С. 36–37; Моджорян Л. А. Терроризм: правда и вымысел. — М., 1986. — С. 14–15.

⁴ Котляров И. И. Международное гуманитарное право о противоправности терроризма // Рос. ежегодник междунар. права. 2008. — СПб. — С. 123.

⁵ Права человека: Сборник международных договоров, том I (часть вторая): Универсальные договоры/ Нью-Йорк и Женева, 2002 г. — С. 841–904.

⁶ Международное гуманитарное право и вызовы современных вооруженных конфликтов // Международный журнал Красного Креста. Отчеты и документы. 30.09.2007. — Том 89, № 867. — С. 5–6.

⁷ Чесноков А. С. Война с терроризмом: проблемы применения норм международного гуманитарного права. Электр. ресурс — режим доступа: <http://image-of-russia.com/88525.html> (дата обращения 28.01.2016).

⁸ Гассер, Х.-П. Террористические акты, «терроризм» и международное гуманитарное право / Х.-П. Гассер. // Международный журнал Красного Креста. — М.: Международный комитет Красного Креста, 2003. — С. 235–268.

⁹ Например, см.: Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах», Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // «Бюллетень Верховного Суда РФ». — № 12. — 1994.

* Alyona N. Smirnova — Post-graduate student of the Chair of Human Rights and International Law of the Moscow University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. alenasmirnova_92@mail.ru.

¹⁰ Конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны. Женева, 12 августа 1949 года. Электр. ресурс — режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения 28.02.2016).

¹¹ Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II). Женева, 8 июня 1977 года. Электр. ресурс — режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/6lkb31.htm> (дата обращения 28.02.2016).

¹² Права человека, терроризм и борьба с терроризмом, изложение фактов № 32. DPI/2439V/Rev.2 — декабрь 2007 г. — С. 17–18.

¹³ Международное гуманитарное право и терроризм: вопросы и ответы. Электр. ресурс — режим доступа: <https://www.icrc.org/rus/resources/documents/misc/terrorism-ihl-2011-01-01.htm> (дата обращения 22.01.2016).

¹⁴ Вооруженный конфликт на Украине и международное право [Текст] / Котляров И. И., Пузырева Ю. В. // Вестник Московского университета МВД России. — 2014. — N10. — С. 265–271.

¹⁵ Baxter R. Comportement des combattants et conduite des hostile's. Les dimensions internationales. — P. 152. Цит. по: Давид Э. Принципы права вооруженных конфликтов. — С. 301.

¹⁶ Адельханян Р. Признаки террористического преступления по международному праву // Российская юстиция. — 2002. — № 8. — С. 48.

¹⁷ Грицаев С. А. Преступления террористического характера и юрисдикция Международного уголовного суда: материалы Международной научно-практической Конференции «Международный терроризм: причины, формы и проблемы противодействия» (Белгород, 16 марта 2005 г.). Белгород: ООН и РИД БелЮИ МВД России, 2005. — С. 252–253.

¹⁸ По Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. преследование терроризма в уголовном порядке осуществляется в соответствии с национальным законодательством государств-участников Конвенции (см. ст. 1.1, п. «б» Конвенции).

¹⁹ См.: Хенкертс Ж. — М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Том. I. Нормы. МККК, 2006. — С. 12.

²⁰ См.: Котляров И. И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика): монография. — М.: Юрлитинформ, 2013. — С. 157, 168.

²¹ Финешин Е. Современное международное гуманитарное право. Электр. ресурс — режим доступа: <https://www.proza.ru/2012/03/14/1991> (дата обращения 22.01.2016).